

И.В. Черказынова, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Трагедия войны для немцев Ленинграда и Ленинградской области

Немецкое население Петербурга и его пригородов имеет глубокие корни, история его начинается вместе с рождением города и появлением первых колоний близ столицы. Дореволюционное население формировалось за счет прибалтийских немцев, иностранцев и колонистов. Безземелье выталкивало колонистов в город. Поэтому от первых поселенцев, появившихся близ столицы в XVIII в., ведут свое начало городские роды Аман, Бутц, Бреннер, Вальтер, Гевейлер, Киблер, Краубнер, Кун, Лефлер, Лорер, Шеффер и др. Со временем в городе и области появились выходцы и из других колоний Украины, Поволжья. Об этом косвенно свидетельствуют некоторые фамилии, которые традиционно считаются меннонитскими (Дик, Классен, Реймер, Тиссен, Фризен, Янцен). Много поволжских немцев оказалось в Ленинградской и Новгородской областях в 1920–30-е годы, когда разразился страшный голод в тех местах.

По данным переписи 1926 г., в Ленинграде проживало 16,9 тыс. немцев (из них 65,1% считали немецкий язык родным), в 1939 г. – уже около 20 тыс.

1 января 1927 г. была создана Ленинградская область, охватившая современные территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей, часть Вологодской области. С 1927 по 1938 г. в состав области входил и Мурманский округ. На 1 января 1928 г. на территории Ленинградского округа (без Ленинграда) проживало 10 634 немца (1,4% населения округа), в т.ч. в городах – 2720, в пригородах – 2632, в сельской местности – 5282 человек. По итогам переписи 17 января 1939 г., в Ленинградской области (без Ленинграда) проживало 12 766 немцев.

В 1941 г. в пригородных районах работали колхозы и совхозы с преобладающим немецким населением. Например, во Всеволожской районе это были колхозы «Ударник» (дер. Ковалево, Красногорского сельсовета), «1 мая» (немецкая колония Янино Красногвардейского сельсовета), «Красный механизатор» (Новосаратовская колония и 3 семьи из места Утиная Заводь), «Рот фронт». В Слуцком районе самым крупным немецким колхозом был колхоз им. Тельмана (213 семей, 975 чел.), в Красносельском районе – колхоз «Роте Фане» в Стрельнинской колонии (125 семей, 396 чел.) и им. МОПРа (83 семьи, 238 чел.). Немцы составляли значительную часть среди рабочих в совхозах Слуцкого района: «Средняя Рогатка» (17 семей, 56 чел.), «Шушары» (25 семей, 130 чел.), им. Бадаева (30 семей, 89 чел.), «Большевик» (22 семьи, 100 чел.). В колонии Овцыно проживало 130 немецких семей (342 чел.).

На новгородской земле крупнейшими немецкими поселениями были Новониколаевская и Александровская колонии, возникшие в 1830-е годы в результате отселения части жителей из петербургских колоний. Поэтому среди новгородских немцев мы встречаем те же фамилии, которые имели и ленинградские немцы (Бендер, Бутц, Гевейлер, Киблер, Шеффер и др.), многие сохранили родственные связи. Некоторые немецкие семьи проживали в Новгороде, Малой Вишере, Чудово и других населенных пунктах. В Пскове также еще с дореволюционных пор существовала многочисленная этническая группа немцев.

Немецкое население в Мурманской области появилось в 1930-е годы в ходе массовой коллективизации и организации колхозов. Кольский полуостров был местом ссылки, это был малозаселенный край, где в то время плотность населения составляла менее одного человека на квадратный километр. Бывшие кулаки участвовали в строительстве новых городов – Хибиногорска (с 1934 г. – Кировск) и Мончегорска. Из Стрельнинской колонии, например, сюда выслали 9 домохозяев с семьями.

Для ленинградских немцев, оказавшихся на Кольском полуострове, депортация началась в 1940 г. Выселение проходило согласно приказу народного комиссара внутренних

дел СССР № 00761 «О переселении из гор. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей» от 23 июня 1940 г. Порядок выселения «граждан иностранных национальностей» из Мурманска и Мурманской области определяла инструкция НКВД, появившаяся в тот же день. Выселению подлежали 3215 хозяйств или 8617 человек. Немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев (675 семей, 1743 чел.) направляли в Алтайский край, представителей прибалтийских народов, а также шведов и финнов поселяли в Карело-Финской ССР.

Операция началась 5 июля 1940 г., завершить ее планировалось в течение шести дней, к 10-му числу. Для немцев предназначались Локтевский (326 хозяйств), Змеиногорский (150) и Курьинский (199) районы на Алтае. Среди высланных был Браун Карл Михайлович (1892–1943), раскулаченный в 1930 г. житель Стрельнинской колонии. Он жил и работал в Кировске агентом по снабжению на комбинате «Апатиты», в 1934 г. вызвал к себе жену и сына. Впоследствии вся его семья оказалась на Алтае.

С первых дней войны Ленинградская область стала прифронтовой, а после захвата городов Остров (6 июля) и Псков (9 июля) военные действия разворачивались уже на территории области. 8 сентября, когда был захвачен Шлиссельбург, блокадное кольцо вокруг Ленинграда замкнулось. С юга блокаду осуществляла немецкая 18-я армия, с севера стояли финские войска. 16 сентября фашисты прорвались к Финскому заливу в районе между Стрельной и Урицком (Лигово), что привело к образованию Ораниенбаумского плацдарма. Линия фронта этого пятачка проходила на востоке между Старым и Новым Петергофом, на западе – по берегу реки Воронка. В 1941 г. из 72 районов области полностью были заняты 51 район и 12 районов частично, среди последних – пригородные районы Красносельский и Слуцкий.

В блокадном кольце вместе с жителями городов Ленинграда, Кронштадта и Сестрорецка оказались немецкие колонии Всеволожского и Парголовского районов (Новосаратовка, Янино, Веселый Поселок, Овцыно, Средняя Рогатка, Колпино, Гражданка, Новопарголово). За блокадным кольцом, в зоне оккупации остались колонии Стрельнинская, Кипень, Порховская, Этюп, Ямбург, на Ораниенбаумском пятачке – Кронштадтская, Ораниенбаумская, Петергофская и Знаменская колонии.

Судьба немецких поселений сложилась по-разному, в большинстве они были разрушены во время войны.

Колпинская и Среднерогатская колонии были полностью уничтожены. Через Среднюю Рогатку и Колпино проходил передний край обороны Ленинграда. У места, где сейчас расположена площадь Победы, близ колонии был создан мощный узел сопротивления с дотами, железнодорожными надолбами, противотанковыми рвами и минными полями. Это была третья полоса внешней обороны города, начинавшаяся у Финского залива и тянувшаяся через Среднюю Рогатку до села Рыбацкого. Руководством Ленинграда была проведена крупномасштабная эвакуация населения из южной части города, а именно из Кировского района до Нарвских ворот и Московского района вдоль Московского шоссе от Средней Рогатки почти до завода «Электросила». Большая часть населения из этих районов была эвакуирована на Васильевский остров.

На восточном фланге линия обороны проходила по землям 3-й Колпинской колонии (в настоящее время – пос. им. Тельмана). Колпинская (Ижорская) колония тянулась от границ г. Колпино (в настоящее время центр Колпинского района г. Санкт-Петербурга) по правому берегу Ижоры на юг почти на 5 км. Колония была одной из старейших и крупнейших среди петербургских колоний, возникших еще в 1765 г. Хотя традиционно она делилась на 1-ю, 2-ю и 3-ю колонии, это был единый поселок.

28 августа передовые части гитлеровцев заняли Ям-Ижору. Дальше противник продвинуться не смог. На протяжении всего периода обороны Колпинская колония оставалась в руках оборонявшихся ленинградцев. По воспоминаниям участника боев Н.П. Еругина, в октябре 1941 г. буквально в нескольких десятках метров от оставшейся еще маленькой кирхи в Третьей немецкой колонии фашисты «без счета, без меры месили дорогу

и окопы большими и маленькими снарядами, минами». Каждый вечер вражеская автоматическая пушка зажигательными снарядами поджигала ближе к Колпино оставшиеся еще деревянные домики, которые горели по ночам. Методически они разваливали и толстые стены колониестской кирпичи.

В ходе боев 14–15 сентября фашистами была захвачена Стрельнинская колония. С приближением фронта со стороны Красного Села, жители стали рыть укрытия. Вскоре начался артобстрел, на поселок обрушился минометный огонь, летели артиллерийские снаряды. Фашисты заняли Нижнюю колонию – правый берег Стрелки, а красноармейцы стояли на левом. На какое-то время окопы советской армии и укрытия местного населения оказались рядом. В ходе боев сгорели все дома вдоль левого берега, не всем мирным жителям удалось выжить. Разоренная колония представляла страшную картину.

Во время проведения Любанской операции зимой – весной 1942 г. была полностью сожжена и сравнена с землей одна из новгородских колоний – Александровская колония Селищской волости на Волхове.

Трагедия гражданского населения города описана во многих работах историков и произведениях писателей, но все еще в тени остается судьба жителей сельской местности, как в блокадном кольце, так и за его пределами. Немецкие колонисты – часть гражданского населения Ленинградской области, военную историю которого еще предстоит подробно изучить.

С приближением фронта к Ленинграду в город хлынули беженцы. Сюда гнали и скот для забоя, чтобы обеспечить население питанием. До последнего дня, пока территория не была захвачена противником, многие жители пригородов, включая немецких колонистов, продолжали ездить в город на работу по специальным пропускам. Никто не мог поверить, что враг так близко подойдет к стенам города, тем не менее, население пригородов оставалось на распутье – оставаться у себя дома либо бежать в город. Многие отвезли к городским родственникам детей, зимние вещи, продукты, а кто-то, наоборот, остался на предприятии в городе без семьи.

О хаосе, который царил в то время, вспоминает житель Новосаратовки А.А. Шмидт: «Эвакуация скота началась через Неву по мосту в районе п. Отрадное и на станцию Мга. Переправа представляла собой ужасающее зрелище. Не успели еще полностью перегнать скотину и технику, как нам навстречу со станции Мга хлынул поток беженцев и отступающие отряды красноармейцев. Повсюду слышны крики: “Куда гоните? Там уже немцы!”, Страх предстоящего плена, мы в замешательстве. Обрато мы уже пробирались через заградительные отряды войск. Шум, мычание, гвалт – сущая неразбериха!» В итоге и техника, и скот были брошены и достались противнику.

С первого дня войны в Ленинграде было введено военное положение в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», один из параграфов которого закреплял полномочия военных на выселение лиц, признанных социально опасными. Одновременно с этим активизировалась работа НКВД по выявлению «антисоветских элементов». Директивой НКВД СССР № 152 от 28 июня 1941 г. наркомам союзных и автономных республик, а также начальникам УНКВД краев и областей предписывалось пресекать распространение провокационных слухов, которые могли посеять панику среди населения. Органам безопасности предлагалось, выявлять и привлекать к ответственности «злостных распространителей слухов» и объявлять об этом в печати. 21 августа 1941 г. появился приказ командующего Северным фронтом и начальника УНКВД Ленинградской области № 0055/20262 «О выселении из Ленинграда и области социально опасных лиц». К числу «социально опасных лиц» были отнесены наряду с другими немцы и финны.

Большая операция по депортации немцев и финнов готовилась на основании секретного постановления Военного совета Ленинградского фронта № 196/сс «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов гор.

Ленинграда» от 26 августа 1941 г. Обязательному выселению подлежали немцы и финны из Ораниенбаумского, Красносельского, Слудского, Красногвардейского, Тосненского, Мгинского, Всеволожского и Парголового районов. Место для выселения было определено в Коми АССР и Котласе Архангельской области. Операцию предполагалось провести с 27 августа по 7 сентября 1941 г. Для осуществления операции необходимо было организовать ежедневный вывоз людей на 20 баржах, а также поезд-вертушку от станции Мга до станции Погра Подпорожского района.

Решение военных властей было «усилено» телеграммой уполномоченных ГКО В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и А.Н. Косыгина и секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданова на имя Сталина о выселении из пригородов Ленинграда населения немецкой и финской национальностей. Телеграмма была передана в Москву 29 августа в 10 часов утра.

28 августа появился план мероприятий, направленных на выполнение постановления Военного Совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 г. «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов Ленинградской области». Выселению подлежали 88 700 финнов и 6 700 немцев, проживающих в 8-ми районах области. Выполнение плана возлагалось на Ленинградское управление НКВД.

На местах создавались районные оперативные тройки, которые и проводили эвакуацию. Районные тройки составляли списки колхозов и населенных пунктов, подлежащих обязательной эвакуации с указанием наименования колхоза или населенного пункта, количества населения, подлежащего эвакуации, а также назначили лицо, ответственное за эвакуацию из числа работников НКВД или милиции. Ответственный за эвакуацию обеспечивал доставку населения к месту посадки на баржи или в поезд. Из числа эвакуируемых назначался свой ответственный, это мог быть председатель колхоза либо кто-то иной.

Жители могли взять с собой продукты питания (до 200 кг на семью), постельные принадлежности, белье, обувь, зимнюю одежду, мелкую домашнюю утварь, мелкий сельскохозяйственный инвентарь (пила, топор, лопата и пр.). Общий вес багажа (включая продовольствие) не должен был превышать 600 кг. Конторы Заготскот и Заготзерно принимали от эвакуируемого населения под расписки крупный рогатый скот, а также излишки зерна. Председатели РИКов обязаны были выдать главе семьи эвакуационное удостоверение, в котором указывалось, что семья эвакуируется из такой-то области, и перечислялись ее члены.

Эвакуация была принудительной, поэтому в случае сопротивления или отказа от выезда, зачинщиков следовало арестовывать. Для обеспечения порядка в районах эвакуации туда направлялись военные отряды. Эвакуацию следовало закончить к 7 сентября.

30 августа зам. наркома НКВД В.Н. Меркулов направил наркому НКВД Л.П. Берии специальное сообщение с кратким изложением плана мероприятий по эвакуации немцев и финнов. В частности, речь шла о необходимом транспорте. Требовалось 190 барж из расчета по 500 чел. на каждую или 1800 вагонов (по 50 чел. на вагон). Отмечалось, что движение по железной дороге осуществляется через единственную линию связи у ст. Мга, которую немцы систематически бомбят, что затрудняет проход поездов. Для придания большей убедительности предлагаемым планам по депортации в документе специально указывалось на то, что в связи с близостью фронта финское и немецкое население области частично уходило в леса, «ожидая прихода немцев, в то время как русское население стекалось в Ленинград».

Если вначале речь шла о выселении в Коми АССР и Архангельскую область, то теперь были названы районы Казахстана. УНКВД Ленинградской области должно было обеспечить отправку людей, а НКВД Казахстана – прием населения в Карагандинской, Кзыл-Ординской, Южно-Казахстанской и Джамбульской областях.

НКВД все еще развивал планы выселения ленинградских немцев и финнов, а противник уже 29 августа захватил станцию Мга, после чего с 14 часов полностью

прервалась железнодорожная связь с Ленинградом. После установления полной блокады единственной дорогой, связывающей со страной, была Дорога жизни через Ладожское озеро.

Прежде чем прервалась железнодорожная связь, на «большую землю» успели вывезти около 28 тыс. немцев и финнов, основная часть их была размещена в Вологодской области (около 22 900 чел.), 350 чел. попали в Кировскую область. В этот период успели депортировать значительную часть немцев с территории Новгородской области, многие попали в Коми АССР.

Немецкое население блокадного Ленинграда испытало все тяжести первой блокадной зимы наравне с другими ленинградцами. С декабря, особенно в январе–феврале 1942 г., шло массовое вымирание населения. В феврале в среднем в сутки гибли от голода 3200–3400 человек, а в первую декаду марта 2700–2800 человек в сутки. Умирал каждый третий житель города. Среди погибших в этот период было немало немцев. Самые поверхностные подсчеты выявили умерших в семьях Аман – 20 чел., Бендер – 21, Бок – 32, Бреннер – 10, Бутц – 9, Менг – 7, Паль – 15, Реймер – 3, Ульрих – 9, Штейнмиллер – 6, Штрейс – 6, Штро – 14, Эйдемиллер – 47, Янцен – 2.

В марте 1942 г. возобновилось выселение немцев из блокированных Ленинграда и пригородов на основании двух постановлений Военного совета Ленинградского фронта, от 9 и 20 марта 1942 г., повторявших смысл августовских постановлений.

17 и 18 марта из города было отправлено 5 эшелонов, общим количеством 9 785 человек, в т.ч. финнов и немцев 6 888, административно высланных – 2897. Людей отправили поездами до станции Борисова Грива, затем на машинах через Ладогу до станций Кобона, Жихарево, Лаврово. На этих станциях шло формирование составов – 2 эшелона в Омскую область и 3 эшелона – в Красноярский край. Высланные получили деньги на питание из расчета 6 рублей в сутки.

Были намечены конкретные сроки депортации населения пригородных районов: в течение 26 и 27 марта 1942 г. отправлять по 7,5 тысяч ежедневно. Всю подготовительную работу к эвакуации следовало закончить к 25 марта. Начальник тыла Ленинградского фронта генерал-майор Лагунов должен был обеспечить перевозку автотранспортом эвакуируемого населения через Ладожское озеро, а из Ораниенбаумского района – через Финский залив до станции Лисий Нос. Для эвакуации выделялось в распоряжение облисполкома 25 автомашин.

С 24 марта началась эвакуация финнов и немцев. Высылке подлежало 24 600 чел. Из них на 28 марта через Ладогу было перевезено и направлено в Иркутскую область 3 эшелона (6788 чел.). Погружен и ждал отправки в Иркутск четвертый эшелон (2570 чел.). На ст. Борисова Грива готовы были 3 эшелона (7800 чел.) в Красноярский край. Два эшелона еще формировались в пригородных районах, а самые последние два эшелона должны были грузиться 29 марта. Каждый состав сопровождался спецконвоем войск НКВД в количестве 24 человек во главе с начальником эшелона и оперработником НКВД.

«Дорога жизни» стала дорогой на спецпоселение для сотен и тысяч ленинградских немцев и финнов. После высадки в Кобоно-Кареджском порту эвакуируемых перевозили железнодорожным транспортом в Вологду, Ярославль и Иваново, откуда они уже следовали в пункты назначения. Для обслуживания ленинградцев в пути на Финляндском вокзале, в Борисовой Гриве, Кобоне, Лаврове, Волховстрое работали эвакуопункты. Кроме того, за пределами Ленинградского фронта эвакуопункты были созданы на станциях Тихвин, Вологда, Череповец, Бабаево.

Хотя основная масса городских немцев была вывезена в марте 1942 г., отдельные семьи выселялись на протяжении еще нескольких месяцев. Людей, сменивших адреса проживания оставления своих домов, выявляли в разное время, им вручали повестки. Реальные сроки высылки растянулись до глубокой осени 1942 г.

Софье Аман объявили 15 июня 1942 г. о необходимости покинуть город в течение 72 часов, пропуску из паспорта вычеркнули. Целый месяц тянулась ее дорога до Омска, а потом по Иртышу дальше на север. Роберт Робертович Шейде (1926 г.р.) вспоминает, что его с

матерью выслали из Ленинграда осенью 1942 г. в Красноярский край, они жили в с. Моторск Каратузского района, затем перебрались в районный центр Каратуз. Эрна Александровна Лазаренко (Бон, 1931 г.р.) с родителями, двумя бабушками и тетей были высланы в июле 1942 г.

Добросердечные жители «большой земли» встречали эвакуированных ленинградцев с горячей едой и даже колотым шоколадом. Испытание едой для истощенных блокадников было самым тяжелым – люди умирали... сытыми. Погибших ленинградцев на территории Вологодской области было так много, что в Вологде установлен мемориал в память о жертвах блокады во время эвакуации. По официальным данным, людские потери в пути составляли 10%.

Возникает закономерный вопрос, почему депортация возобновилась лишь в марте 1942 г. Если бы это произошло раньше, город был бы разгружен от «лишнего» населения, а столь необходимые продукты сохранились бы для остающихся блокадников. Если следовать логике сотрудников НКВД, за время с начала блокады этот «социально опасный», «политически неблагонадежный контингент» мог вести подрывную работу, «плодить шпионов» в своих рядах, т.е. создавать еще большую политическую нестабильность в городе. На деле, многие мероприятия НКВД были лишь идеологическим прикрытием других, иногда скрытых от глаз мероприятий, иными словами, политические репрессии были теснейшим образом связаны с системой принудительного труда в СССР.

6 января 1942 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока», а 12 марта Л.П. Берия утвердил план, согласно которому около 50 тыс. человек из числа эвакуированных из прифронтовых районов должны были направляться в Красноярский край, Омскую и Иркутскую области. Именно в эти области и направляли ленинградцев в 1942 г.

Все ли немцы были высланы из Ленинграда, сколько осталось – ответить трудно. А если кто-то и остался, то, по каким причинам? Все эти вопросы остаются для дальнейшего исследования. Сейчас лишь можно констатировать, что среди тех, кто умер в блокадном Ленинграде в 1943 г., были и сотни носители немецких фамилий: Аман Александра Семеновна, Аман Павел Леонтьевич, Гевейлер Михаил Николаевич, Кун Матильда Симоновна, Лорер Георгий Георгиевич, Менг Тамара Федоровна, Паль Михаил Федорович и другие.

Пригородные районы Ленинграда выполняли большую нагрузку по обеспечению армии и населения блокадного города продуктами. В то же время, среди жителей значительную часть составляли национальные меньшинства, в первую очередь, финны и немцы, которых причислили к неблагонадежным категориям. Но обстоятельства сложились так, что более полугодом подозреваемый в шпионаже «контингент» бок о бок жил и трудился наравне с другими, вносил свой вклад для отпора противнику.

Депортация жителей из немецких пригородных поселений началась на основании уже упоминавшегося постановления от 20 марта 1942 г. Фактически высылка началась уже 17–18 марта.

Всего из Всеволожского района, к которому относилась Новосаратовка, предстояло депортировать 839 немцев (проживали по состоянию на 23 августа 1941 г.), однако реальное количество высланных в марте отличалось от планового, т.к. часть населения погибла от голода. Условия жизни в Новосаратовке были не намного лучше блокированного города. Люди также страдали от голода и бомбежек, немецкая молодежь участвовала в санитарной очистке городских домов (вывозили трупы), заготавливали дрова в Невском лесопарке для крематория, действовавшем на кирпичном заводе «Красная заря». На трудодни колхозники ничего не получали, а картошку с приусадебного участка сдали в фонд фронта, вскоре туда же была передана и вся живность.

Новосаратовцам дали на сборы 24 часа. На дворе стояли наготове подводы, которые доставили людей на станцию Нева (Веселый поселок). А. Шмидт вспоминает: «За день и в день эвакуации “похоронили, – отвезли на скотный двор колхоза сестру отца и свекровь

старшей сестры». Затем жителей повезли в вагонах к Ладожскому озеру и там погрузили в автомобили. В семье Шмидта высылке подлежали 10 человек, в т.ч. сестры с детьми: Эрна с трехлетним сыном и Тереза с дочерью 5-ти лет и грудным ребенком. Дома и оставшееся имущество передавалось жителям поселка, которые не были немцами и которые не подлежали эвакуации. При посадке в вагон выяснилось, что младенец Терезы умер. На похороны времени не было – ребенка закопали в снег, отметив место еловой веткой. Рядом уже выселились два таких же сугроба – похоронили двух стариков. При посадке впервые за долгие месяцы люди получили горячую еду, был настоящий хлеб и каша. На той стороне Ладоги каждому выдали по буханке хлеба, в вагон поставили печурку.

Выселение немцев и финнов из Всеволожского района создавало большие экономические проблемы. До войны на территории района существовало 53 колхоза. Из них в сентябре 9 колхозов были эвакуированы из фронтовых сельсоветов, поэтому к началу посевной кампании действовало 44 колхоза. Проблема заключалась в том, что 41 колхоз полностью состоял из немцев и финнов, а 2 колхоза – частично. Чисто русским был один единственный колхоз. Остающийся рогатый скот передавался совхозам «Халтуринец» и Щегловскому, в которых имелось лишь 100 голов скота. Семенной фонд, сданный осенью 1941 г. государству на хранение, был истрачен. Поэтому запасы картофеля и зерна выселяемых немцев и финнов обращались в семенной фонд. Оставшиеся трактора в Колтушинской МТС (35 машин) некому было обслуживать, т.к. штат трактористов состоял исключительно из финнов.

Истощенные от голода, находясь на грани смерти, люди часто радовались депортации. В тот момент она для них означала лишь избавление от мук блокады. Были и неожиданные ситуации. В Ораниенбаумском районе почти во всех сельсоветах были зарегистрированы многочисленные факты, когда отдельные лица из русского населения просили включить их в список подлежащих обязательной эвакуации и выражали недовольство тем, что им в этом отказывали.

К апрелю 1942 г. операция по выселению финнов и немцев была в основном завершена. Начальник УНКВД ЛО Кубаткин сообщал наркому Берии 4 апреля, что по решению Военного совета фронта было выселено из города и пригородов 39 075 чел., в т.ч. эвакуированных в обязательном порядке немцев и финнов 35 162 чел. Весь контингент был направлен: в Красноярский край – 26 283 чел., в Иркутскую область – 9 488 чел., в Омскую область – 3 304 чел. Учитывая исключительное значение Кронштадта, из города были удалены антисоветские (67 чел.) и социально опасные (289 чел.) элементы, немцы и финны (75 чел.). Выселенные из сельской местности немцы и финны сдали 1020 коров, 134 лошади, 92 головы мелкого скота, 7540 жилых построек.

По подсчетам В.Н. Земскова, во время войны из города и области всего было выселено 11 тысяч немцев.

Не менее трагическая история была у колонистов Ленинградской области, оказавшихся в оккупации. Она заслуживает отдельного рассказа. Угнанные в Германию, репатриированные в СССР, они встретились со своими земляками на спецпоселении. Тем и другим возвращение в Ленинград официально было запрещено. Вернулись единицы.

Одним из последствий депортации стало исчезновение не только самих немецких поселений под Ленинградом, но и памяти о них. По итогам переписи 12 января 1989 г., в Ленинграде проживало 3 600 немцев, для 19,4% немецкий был родным языком. По переписи 2002 г., в Санкт-Петербурге насчитывалось 3868 чел., в Ленинградской области – 2372 чел.